

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруяко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

С. И. Климовский (Киев)

НАЕМНЫЙ ТРУД В КИЕВСКОЙ РУСИ И ПРОБЛЕМА ЕЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ

Проблема социально-экономического строя Руси X–XIII вв. насчитывает 200 лет, если брать за точку отсчета работу Густава фон Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (1826)¹. В ней Эверс выдвинул идею родового строя и рассматривал историю Руси как его эволюцию от патриархальной семьи (рода) к государству-империи. Определяющими ее факторами выступали рост числа населения, усложнение социальной структуры и задач государства. Эта теория стала официальной в Российской империи и получила развитие в рамках государственной (юридической) школы историографии.

Она идеально отвечала политико-идеологическим установкам самодержавия, т.к. позволяла обосновать «особый» путь России в истории и противопоставить его Европе, где после Великой Французской революции стала популярной идея социальной эволюции как результата последовательной смены «формаций» – рабовладельческой, феодальной и буржуазной. К середине XIX в. эта идея была уже прочно усвоена научным сообществом и социалистическим движением, а затем и Марксом. Родовая теория избавляла Россию от следования таким путем к ограничению конституцией самодержавия, почему и была им одобрена. Министерство народного просвещения признавало существование феодализма в Европе, но запретило применять слово «феодализм» к истории Руси. Оно встречалось лишь в поздней революционной публицистике, а в науке легализовалось только после допуска к печати в 1907 г. труда Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси».

После 1917 г. ситуация кардинально изменилась. Идея «особого пути» канула в лету, теорию Эверса сменила теория рода/марки Ф. Энгельса, а прогрессивная «старорежимная» профессура, подобно С.В. Юшкову, по своей инициативе стала называть феодализмом строй Руси X–XIII вв. «Красная» профессура начинание в целом поддержала, но у нее возникли свои методологические проблемы.

Первая. Если восточные славяне вернулись с особого пути на общеевропейский, то им следовало пройти и через рабовладельческую формацию, замаячившую где-то в начале истории Руси. Благо источники давали достаточно свидетельств о рабстве, которое в Украине было отменено в 1527 г. Первым Литовским статутом, а в

Московском царстве Петром I. Поэтому шла дискуссия «Соотношение рабовладельческого и феодального способов производства в Киевской Руси».

Вторая. До 1934 г. сказывалось влияние концепции старого большевика-историка М.Н. Покровского о капитализме в Киевской Руси в форме «торгового капитала в шапке Мономаха». Покровский усвоил часть идей немецкого историка и археолога Э. Мейера, что не мешало ему и Л.Троцкому взаимно обвинять друг друга в мейеризме².

Третья. В схеме Маркса был загадочный азиатский способ производства, создававший трудности марксистам, и о нем тоже шла дискуссия.

Конец этому «разброду и шатанию» среди историков-марксистов в 1933 г. надолго положил Сталин, когда на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников огласил «истинно» марксистскую формационную схему без азиатского способа производства. К 1935 г. все дискуссии свернули, а восточных славян обязали перейти из родового строя к феодализму, минуя рабовладельческую формацию, по схеме созданной Б.Д. Грековым³.

Этот «прыжок» импонировал Сталину в отличие от строгого шестивия по ступеням в лестнице формаций, т.к. позволял обосновать «прыжки» якутов и других народов от родового строя и феодализма в социализм.

В то время как в СССР утверждали формационную схему и феодализм для Киевской Руси, в Западной Европе начинали задаваться вопросом: был ли феодализм? С середины XX в. понятие «феодализм» там уже вызывало скепсис, а в 1970-е и в СССР аккуратно заговорили об особенностях феодализма в Восточной Европе. И.Я. Фроянов предложил назвать строй Киевской Руси данническим способом производства, а А.П. Пьянков и В.И. Горемыкина вернулись к идее рабовладельческой формации⁴.

К концепции Покровского возврата не последовало, несмотря на то, что тема торгово-ростовщического капитала разрабатывалась советскими историками-медиевистами. Но даже самые смелые версии не допускали наемного труда и капитала раньше XV в. Этому препятствовали как установка на феодализм «с древнейших времен и до 1861 г.», так и состояние источников.

Парадоксально, но тема наемного труда в Киевской Руси более активно исследовалась до 1917 г., чем после него. Причина – издание источников, прежде всего «Русской Правды», и определение социального статуса ее персонажей. Историки юридической школы, не признававшие феодализм в истории Руси, сделали интересные

наблюдения о наемном труде, проигнорированные затем историками-марксистами. Их наблюдения позволяют утверждать о достаточно широком его использовании на Руси с конца X в.

В этом контексте примечательно повеление князя Владимира киевлянам в 988 г. в связи с планируемым крещением «Аще не обрящется кто завтра на реце, богат ли, или убог, или нищ, или работен, противник мне да будет». Эта фраза в летописях не имеет вариаций. А.А. Зимин относил ее появление не к дате событий, а к 1036 г. Но это не отменяет факт: лица наемного труда в Киеве на рубеже X-XI вв. были заметной группой.

В источниках они фигурируют под пятью названиями: наймит, вdach, милостник, закуп и рядович.

Наймита упоминает статья 61 «Русской Правды», лишь в Розенкамповском списке он заменен закупом. О них сообщает I Новгородская летопись – в 1128 г. новгородцы в связи с эпидемией «наяша наймиты возити мъртвьяца из города». Дважды они упомянуты в бытовой переписке XIII в. В одном письме некто просит занять денег на покупку сети и найма помощника⁵. В другом сообщается о найме жнецов и плате им по коробу ржи⁶.

Историю договора-найма и одной из первых забастовок содержит «Патерик» Киево-Печерского монастыря. Он сообщает: группа греков-художников подрядилась расписать в Киеве некую церковь, но прибыв и увидев Успенский собор, потребовала увеличить плату, – объем росписи превышал условия договора. Конфликт разрешился чудесным образом: братия монастыря предъявила грекам икону с его покойными основателями Антонием и Феодосием, и те в них с изумлением узнали своих нанимателей в Греции, после чего отказались от повышения оплаты и приступили к работе.

В 1913 г. И.И. Яковкин реконструировал три типа договора-найма на основе статьи 111 «Русской Правды»⁷. В 1927 г. его поддержал Н.А. Максимейко⁸, но затем об этом «забыли» из-за установки на феодализм, а не на множественность вариантов наемного труда на Руси X-XIII вв.

Статья 111 гласит «А вdach не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатьце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть».

Первый тип договора-найма, выделенный Яковкиным, – наем «за хлеб» – «по хлебе роботять». Договор предполагает работу только за содержание – кров и еду. По аналогии с договорами-найма XVI-XVII вв. Яковкин считал выдачу наймиту одежды нанимателем возможным, но не обязательным условием.

Второй тип – наем с «придатцем» (придатком). Он предусматривал сверх содержания плату по окончании работ в размере, оговоренном договором. Яковкин видел аналоги «придатцу» в средневековом немецком слове «sonder» и западнославянском «придаваек».

Третий тип – работа за содержание с получением премии - «милости». В отличие от придатка, размер милости не оговаривался и отдавался на усмотрение нанимателя. При досрочном расторжении договора милость возвращалась.

В Карамзинском и первом Синодальном списке в статье 111 вместо «в даче» стоит «вдач». Так как численно «в даче» преобладает над «вдач», то был соблазн считать «в даче» правильным, а «вдач» – ошибкой переписчиков. Но в этом случае очевидна бессмыслица текста, а объяснения, что «дача», «данина», «дань» – это платы земельным наделом, – неубедительны. Более логично: вдач – синоним наймита, что позже доказал Б.Д. Греков, выведя его от «вдавшегося», продавшегося человека. Но Греков имел установку на феодализм, и вдач в итоге стал у него как бы закупом и лицом феодально-зависимым⁹. Схожий вывод делал и эмигрант Г.В. Вернадский¹⁰, отдавая дань схеме Маркса. Позже о вдаче постарались забыть.

Милостники тоже создавали проблему – разрушали схему появления класса феодалов. Анализ источников показывал: дворянство возникает из рабов и наемных служащих. Это было очевидно «буржуазным» историкам, но не устраивало марксистов с их культом пролетария.

Милостники дважды упомянуты в летописях. Первая Новгородская летопись под 1174 г. называет так убийц князя Андрея Боголюбского, в числе которых бояре Кучковичи и раб ключник-осетин Амбал. Ипатьевская летопись под 1180 г. сообщает о совещании киевского князя Святослава Всеволодовича с «княгиней своею и с Кочкарем милостником своим». Она упоминает также «милостные кони» и «милостное оружие».

До 1917 г. милостников обычно считали аналогом слова «фаворит», забывая статью 111 о договорах-наймах. П.А. Аргунов в 1934 г. соединил их вместе, отметив и милостников в «Законнике» сербского царя Стефана Душана¹¹. Аргунов считал их привилегированной частью дворянства, возникающего из наемных людей. Академик М.Н. Тихомиров в 1952 г. воспроизвел мысли Аргунова, но пытался выстроить линию феодальной эволюции от огнищан к милостникам, а работу / службу за «хлеб», «придадец» и «милость» объявил аналогами бенефиция. Получилось по-марксистски

и эволюционно, но натянуто, и в 1955 г. Тихомиров от этих идей отказался¹², а о милостниках забыли.

В 1974 г. к ним вновь обратился И.Я. Фроянов¹³. В его реконструкции милостники – это старшие дружинники в младшей дружине, их статус выше децкого и отрока, получавших за службу помимо «хлеба» и нерегулярно доплату. Фроянов причину такой формы оплаты видел в том, что в отличие от Европы князья-русы не владели фондом заселенных земель для раздачи за службу. Поэтому князь Мстислав, получая дань с чуди и обязанный две трети ее отдать новгородцам, ежегодно стоял перед проблемой, как поделить оставшуюся треть между дружиной.

К XII в. работа и служба по найму, в том числе и на условиях «милости», были столь распространены, что Владимир Мономах, заключая в 1113 г. с восставшими киевлянами мир, внес в «Русскую Правду» статью 111 о трудовых отношениях. Тогда же в ней появился и так называемый «Устав о закупах» – девять статей о них.

До 1917 г. сомнений, что закуп – лицо наемного труда, почти не было. Наивное мнение И.Н. Болтина о закупе как рабе быстро отвергли. Поскольку была установка на отсутствие феодализма, то называть их феодально-зависимыми людьми не пытались, но несколько смущали статьи «Русской Правды» о наказаниях закупов и продаже их в рабство.

В итоге к XX в. трудами Д.М. Мейера, Н.Л. Дювернуа, В.И. Сергеевича и других исследователей сложилась следующая реконструкция института закупничества. Так как на Руси свободной земли было много, то она не представляла ценности и в большинстве случаев не служила залогом при кредите. Залогом была рабочая сила, но она имеет способность мигрировать. Поэтому кредитор для гарантии возврата долга заключал с должником договор о его условном рабстве до погашения кредита. Это аналогично ситуации с ключником («завхозом»), стать им можно было лишь признав себя рабом, что позволяло без суда преследовать ключника, сбежавшего с казной. В условиях экономики близкой к натуральной кредит тоже зачастую выдавался натурой и погашался ею и/или отработкой. Так как кредитование аграрного сектора – закупы ролейные – имело целью получить товарную продукцию для продажи, то кредитор выступал и как наниматель, а кредит был платой авансом. При предоставлении в пользование ролейным закупам рабочего скота и инструмента кредитор де-факто тоже был нанимателем, заключающим договор-подряд под гарантию личной свободы подрядчика. Поэтому допускалась продажа/переуступка закупа с его

долгом в условное рабство (обельное холопство) третьему лицу, если он не мог или отказывался погасить кредит.

В.И. Сергеевич, учитывая эти факторы, настаивал на термине закуп-наймит, чтобы уйти от линии должник – кредитор. По мнению Н.И. Хлебникова, ситуация с закупами к XII в. была близка к ситуации с долговым рабством в Греции накануне реформ Солона¹⁴. И.Д. Беляев видел в закупах аналог колонов Римской империи¹⁵. Возможно, закупничество действительно эволюционировало в этом направлении, но киевское восстание 1113 г., приведшее к «Уставу о закупах» и установлению потолка в 20% при кредите, остановило этот процесс.

После 1917 г. закупов-наймитов превратили в феодально-зависимых крестьян. Схему создал С.В. Юшков, начав именовать кредиторов феодалами, а должников – крепостными крестьянами¹⁶, но разрабатывал процесс «феодального закабаления» Греков, категорично отрицавший пролетарскую составную в статусе закупов¹⁷. Версия стала официальной, несмотря на ее очевидные дефекты.

Исправить их в 1973 г. пытался А.А. Зимин¹⁸. Так как у Б.Д. Грекова развитие феодализма оказалось в прямой зависимости от несчастных случаев – неурожая, наводнений и тому подобного, то это вызывало сомнения в объективности процесса и следовательно всей теории Маркса. Стремясь устранить эту несурязицу, Зимин предположил: неурожай были в среднем каждые 7,5 лет, но до «графика» закрепощения по неурожайным годам не дошло. Зимин аккуратно, стремясь не нарушить запрет на наемный труд, вернулся к понятию закуп-наймита и к делению закупов на группы по типу кредита. Но если у предыдущих исследователей эти группы существовали одновременно, то Зимин пытался выстроить их в эволюционную линию под идею феодализации. Вышло громоздко и неубедительно, и более простая схема Грекова осталась официальной.

Рядовичи – социальная группа, название которой восходит к слову «ряд» – договор, а потому их отнесение к лицам наемного труда сомнений не вызывало. Профессиональная принадлежность – низовые администраторы в княжеском и боярском хозяйстве – тоже была очевидна. После 1917 г. эта однозначность создала проблему, – массовый наемный труд феодализму не полагался. Поэтому Греков, испытывая также дефицит в феодально-зависимых людях, после колебаний в 1952 г. все-таки отнес к ним и рядовичей, присоединив их с оговорками к закупам. Но натяжка была слишком очевидной, и часть исследователей держалась прежней точки зрения, а

С.Б. Веселовский писал об эволюции рядовичей в «вольных слуг» XIV–XVI вв.¹⁹

Попытки втиснуть древнюю Русь в формационную схему Сталина методологически были обречены на провал. Сохранение в ней азиатского способа Маркса позволило бы раньше прийти к логичной идее И.Я. Фроянова о данническом способе производства, но и она полностью не решает проблему. Более продуктивным представляется подход, намеченный Э. Мейером в сочетании с концепцией социоэволюции для Европы Ч. Тилли.

¹ Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. – Тверь-М., 2004 (1948). – С. 82; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке. – СПб., 1996. – С. 75 и др.

² Покровский М.Н. Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма. (Нечто вроде ответа т. Троцкому) // журнал «Красная новь». – 1922. (Кн. 5, июнь); газета «Правда», 1922. – № 147.

³ Греков Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. – М.–Л., 1936; Он же. Киевская Русь. – М.–Л., 1939 и последующие работы. Авторство Б.Д. Грекова как создателя концепции феодализма в древней Руси было признано официально присвоением ему званий член-корреспондента (1934), академика (1935), за работу «Киевская Русь» был награжден Сталинской премией. Этот факт отмечен также в историографии по вопросу общественного строя Руси X–XIII вв.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. (1990), Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке. (1996) и других.

⁴ Пьянков А.П. Происхождение государственного и общественного строя Древней Руси. – Мн., 1980. Горемыкина В.И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. – Мн., 1982.

⁵ Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962–1976 годов). – М., 1978. – № 481.

⁶ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г.). – М., 1958. – № 191.

⁷ Яковкин И.И. О закупках Русской Правды // ЖМНП, 1913, апрель-май. – С. 260–268.

⁸ Максимейко Н.А. Закупы Русской Правды // Наукові записки науково-дослідної кафедри історії української культури. – Харків, 1927. – № 6.

⁹ Греков Б.Д. Феодалные отношения... – С. 122.

¹⁰ Вернадский Г.В. Киевская Русь. – Тверь-М., 2004 (1948). – С. 93.

¹¹ Аргунов П.А. О закупках Русской Правды // Известия АН СССР. Отдел общественных наук, № 10, серия 7. – 1934. – С. 777.

¹² Тихомиров М.Н. Условное феодальное держание на Руси XII в. // Сборник академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. – М., 1952. – С. 100–105; Он же. Крестьянские и городские восстания на Руси X–XI вв. – М., 1955. – С. 230.

¹³ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. – Л., 1974. – С. 70–73.

¹⁴ Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. – Спб., 1872. – С. 238–247.

¹⁵ Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. – М., 1903. – Изд. 4. – С. 13.

¹⁶ Юшков С.В. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі. – К., 1992. (1939). – С. 92.

¹⁷ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. – М., 1952. – Т. 1. – Изд. 2. – С. 195–210.

¹⁸ Зимин А.А. Холопы на Руси. – М., 1973. – С. 198–207.

¹⁹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969. – С. 465–479.

С. А. Ковбасюк (Київ)

**«ТАЄМНА ВЕЧЕРЯ» КАНУНУ РЕФОРМАЦІЇ:
ОСОБЛИВОСТІ ПІЗНЬОСЕРЕДНЬОВІЧНОЇ МНЕМОНИКИ
В НІМЕЦЬКОМУ МИСТЕЦТВІ ПОЧАТКУ XVI СТ.**

«Таємна вечеря» займає особливе місце в теології та іконографії епохи Реформації. Будучи предметом палких дискусій протягом усього XVI ст., вона так само не раз набувала художнього втілення, як у творах великих художників (Г. Гольбейна та ін.), так і майстрів другорядних. Основним нарративом, з якого вони черпали своє натхнення, залишався текст Євангелій, зокрема Євангелія від Іоанна, де описується сцена причастя Іуди, що користувалася особливою популярністю у північних майстрів.

Однак процес зображення складний: знаки однієї системи – тексту, кодуються заново, стаючи новим кодом – образотворчим. Саме цей процес реінтерпретації художником нарративу, інтерсеміотичного перекладу і представляє найбільший інтерес для дослідника. У нашому випадку декодування сюжету «Таємної вечері» напередодні Реформації, тобто перших десятиліть XVI ст. може пролити світло на популярні настрої перед релігійним катаклізмом, церковним розколом, який став неминучим після відлучення Мартіна Лютера в 1520 р.

Проте до зображення Лукасом Кранахом в «Таємній вечері» Мартіна Лютера серед апостолів в 1547 р. і створення нової, реформаційної іконографії, повинно було відбутися багато змін, як релігійного, так і художнього характеру, тому в даній доповіді нам хотілося б зупинитися на деяких художніх аномаліях в «Таємній вечері» до Реформації. Мова йде про деталі, якщо не еретичні, то явно неканонічні. Ці деталі, на перший погляд, часто незначні, але лише розуміючи їх, а також їх місце в композиції, можливо вникнути в задум майстра і спробувати його пояснити.